

• •

**В НАЧАЛЕ БЫЛО
СЛОВО**

**ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКА**



ДМИТРИЙ НАУМОВ

Дмитрий Евгеньевич Наумов
В начале было слово.
Записки путешественника
Серия «Путешествия. Яхтинг. Спорт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64039001

*В начале было слово. Записки путешественника / Дмитрий Наумов:
Горизонт; Москва; 2013*

Аннотация

Проза Дмитрия Наумова самобытна, ярка и сразу же легко отличаема от всех других авторов. Наумову присущ особый интеллектуальный и «плотный» стиль письма, насыщенный информацией, аллегориями и ассоциациями. Впрочем, все это нисколько не перегружает текст, а, наоборот, весьма органично в него вписывается. Причина тому – искрометный юмор и мягкая ирония, порой переходящая у автора и в самоиронию. Читать поэтому Наумова увлекательно и легко. Это в первую очередь касается его «Записок путешественника». При их прочтении невольно возникает впечатление, что вы с автором уже старинные друзья, и почти реально вместе путешествуете по странам и весям, вместе удивляясь неизвестному ранее миру и радуясь общим веселым маленьким открытиям.

Думаю, что читатель по достоинству оценит и рассказ Наумова «Вначале было слово», посвященный поучительной поездке двух друзей в Торжок. Здесь Дмитрий Наумов предстает перед нами, уже как серьезный русский писатель с глубинным пониманием Родины, ее неповторимой природы, ее судьбы. Читая рассказ, невольно завидуешь его героям, сумевшим подняться над нескончаемой суетой мегаполиса, сесть в первую попавшуюся электричку, и уехать в провинциальный Торжок, чтобы вдохнуть всей грудью воздух настоящей отчины, а не урбанизированной России.

Член Союза Писателей России В. Шигин

Содержание

В начале было слово	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий Наумов

В начале было слово.

Записки путешественника

В начале было слово

В жизни неоднократно возникает соблазн – продолжить старый библейский спор на тему, что же было раньше – слово или дело. И каждый раз в определенных жизненных ситуациях находишь подтверждение тому, что иногда вначале было слово, а иногда и дело. В бытность свою на судоремонтном заводе, пребывая в должности судового электромонтажника, наблюдал я за парнишкой в нашей бригаде, так вот у того всегда вначале было дело, а уж слов потом и от него и от бригадира можно было выслушать столько – успевай записывать. Однажды парнишка этот, звали которого Рашид, заканчивал ремонт большого якорного электродвигателя. То есть ему осталось только поставить на место две крышки и потихоньку, не спеша, затянуть их. Работа не тяжелая, но нудная. И, что бы ускорить процесс сборки, Рашид вместо нудной попеременной затяжки болтов весело забил обе крышки увесистым молотом. И все бы ничего, да крышки он перепутал, а там фланцы разного диаметра. Когда с корабля в цех вер-

нулся бригадир и увидел сие безобразия, то есть сделанное дело, он сказал слово, и слово было таким: "Рашид, ...мать твою, ты же... твою мать, фланцы сорвал. Теперь же по новой надо все растачивать!" Все было сказано довольно эмоционально и с жестикуляцией. На что удрученный замечанием непосредственного начальника Рашид, почесал в затылке и заметил: "Да, дядя Садых, х...ню мы с вами спорили".

Таких добрых слов от Рашида можно было услышать много, буквально после каждого порученного ему дела, поэтому как-то само собой отложились у меня мысли, что вначале было дело. Но так было не всегда.

В бытность свою на воинской службе, в должности сотрудника спецподразделения водил я дружбу с товарищем моим по несчастью долгого вынужденного безделья на одной из строго засекреченных баз Подмоскovie. В один из теплых августовских дней, когдадыханьеосениощущаетсяввоздухе, пронизанном запахами разнотравья и сыростью, прятавшихся по утрам в низинках овражков, туманов, зашел у нас с приятелем моим, которого звали Александр Николаевич, разговор на сугубо мирные темы. А именно говорили мы о грибах. О том, кто, когда и сколько их собирал, как их лучше готовить, а главное – какие лучше под водочку, а какие просто для того, чтобы потешить чрево, а заодно и душу. И так у нас складно беседа складывалась, в таких подробностях описывались рецепты и ощущения после того, как "он, еще теплый, обмазанный сметаной бежит вдогонку опро-

кинутой рюмки”, что возникло желание в ближайшее время махнуть куда-нибудь подальше от цивилизации, туда, где осталась еще нетронутая городскими оптимистами природа и попробовать на деле осуществить все то, что было с таким живейшим интересом обсуждено столь знатными грибниками.

То есть заметьте – вначале было слово. А надо пояснить, что дело было в четверг, то есть до выходных был еще день и, вернувшись со службы, я никак не ожидал позднего звонка от Александра Николаевича, который начал задавать вопросы, приведшие меня в некоторое замешательство. А спрашивал он меня, что я возьму с собой в дорогу, и в какой обуви поеду. Я ему резонно заметил, что завтра все и обговорим, на что он совсем не резонно объявил мне, что он уже собрался, и выезжаем мы с Ленинградского вокзала полуночной электричкой сегодня и на сборы у меня осталось полчаса. Александр Николаевич был много старше меня и авторитет его никогда не подвергался сомнению, однако, готовясь отойти ко сну, стоя на кухне в теплых тапочках и халате, даже при наличии глубокого уважения к старшему товарищу возникают вопросы, письменное изложение которых плохо вписывается в литературные формы классического русского языка. Согласитесь.

Была еще одна сложность в изложении моих смутных сомнений на счет удачного исхода нашего безумного предприятия в столь позднее время. Дело в том, что Александр Ни-

колаевич в свое время закончил Институт культуры, факультет библиотечного дела и был воспитан на тонкой поэзии Андрея Белого и Анны Ахматовой, в “мирской” жизни употреблял речевые обороты, свойственные только русским классикам, периодически перечитывал Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского, поэтому приходилось определенным образом подбирать слова, выражая свое несогласие ехать неизвестно куда, не поставив в известность руководство отдела.

Короче, без четверти двенадцать я стоял у Ленинградского вокзала в камуфляжной военно-полевой форме песочного цвета, носившей в армейской среде лирическое название “варшавка”, (правда без знаков отличия) в кроссовках и рюкзаком за спиной. В рюкзачке было то, что было припасено дома на случай непредвиденных обстоятельств, как то: неожиданная кончина очередного генерального секретаря ЦК КПСС, потери талонов на продукты первой необходимости, отмены “праздничных продпайков” и, наконец, неурожая в Бразилии. Надо заметить, что шел 1986 год, второй год правления М.С.Горбачева и год начала эпохи больших испытаний. Человек, учивший страну и мир новому мышлению, издающий тезисы с претензионным названием “Как нам реорганизовать мировой Рабкрин” в год падения цен на нефть умудрился объявить в стране борьбу с употреблением алкоголя, подорвав поступление в казну почти половину всех доходов. Ну да я не о том. Я к тому, что из домашнего холодильника в дорогу была изъята месячная норма котло-

вого довольствия – полбатона вареной колбасы, пол головки сыра российского, три банки тушенки, галеты (три пачки), три банки рыбных консервов. Бутылка водки, спрятанная в надежном месте на антресолях на случай ядерной войны, была там и оставлена. На святое не поднялась рука.

На платформе, от которой уходила электричка на город Калинин (нынешняя Тверь) меня ждал Александр Николаевич, одетый, согласно договоренности, в такую же песочного цвета форму с большим количеством карманов и новеньких кроссовках, приобретенных по случаю национального праздника на распродаже. Саша (как мы будем называть впредь) всегда выглядел безукоризненно, даже в эту трудную для аккуратиста минуту. Не могу сказать, что встреча наша отличалась сердечностью, скорее это была эзотерическая фигура обреченности – два одинаково одетых человека обнялись на платформе, то ли радуясь встрече, то ли печальась скорой разлуке, избежать которую нет никакой возможности. Мы прошли в полупустой вагон, выбрали места у окошка, хотя в этом не было никакого резона – за окном уже стояла кромешная тьма и, расположившись, стали согласовывать свои взгляды на предстоящую жизнь. Верне сказать, это я стал согласовывать, поскольку для Саши все было предельно ясно. Я выяснил, что едем мы в Калинин, затем самой ранней электричкой в Торжок, а там уже рядом, порадовал Сашок, километров двадцать пешком и мы у цели. От Торжка в сторону Выдропужска на реке Тверце стоит пат-

риархальная деревня, где ранее жила Сашина бабушка и где каждое лето он проводил свое босоное детство. Поскольку Александру Николаевичу на время нашего исторического похода было около сорока, то его детские воспоминания носили такой же патриархальный характер, как и та далекая деревня, встающая в его рассказах как легендарный град Китеж из тумана его счастливого детства.

Электричка тронулась согласно расписанию, и по доброй русской традиции мы стали раскладывать свои запасы для позднего ужина. Разносолов было немного, но это не сильно огорчило, поскольку из своей котомки Саша достал бутылку водки (кто бы сомневался), поскольку он был оптимистом и никогда не ждал апокалипсического ядерного удара и уничтожал ликеро-водочные изделия по мере их поступления, а не прятал их на антресолях. Несмотря на все запреты по употреблению горячительных напитков в общественных местах, мы налили и выпили. Потом еще раз. И еще.

И все сразу изменилось. Куда-то исчезли все сомнения в правильности нашего мероприятия в той форме, в которой мы взялись его реализовывать. Наоборот, все казалось вполне логичным и правильным – и эта ночная электричка в древний город, переименованный в честь всесоюзного старосты и предстоящее пешее путешествие по наитию, без компаса и карты и радостные перспективы заготовки грибов в промышленных масштабах. Саша, улетаая в своих воспоминаниях в далекое безоблачное детство, рассказывал о за-

поведных лесах, протянувшихся вдоль светлой тихой реки Тверцы до самого Выдропужска, где на освещенных солнцем полянках под вековыми дубами, белоствольными березами и в густой тени ельника нас ждали белые грибы, подберезовики и моховики. В Сашинем описании чувствовался насыщенный свет полотен Куинджи и выписанные детали дубовой роци кисти Шишкина. Луч солнца, играя на тонких, еще летних, паутинках, как указкой, показывал место на заросшей уже темной травой кочке, где стоял боровик размером с хорошего молочного поросенка, ухмылявшийся и щурившийся не по-доброму из-под огромной шляпы.

Саша растолкал меня перед самым прибытием в Калинин. Была глубокая ночь, довольно прохладная, но без осадков, что радовало. На фоне чистого, со звездами, черно-синего неба все деревья вдоль платформы и пристанционные здания выглядели как вырезанный из черного картона театральный задник. Под стать этому антуражу было и настроение. Да, собственно, каким еще оно могло быть у человека, разбуженного посредине ночи и вынужденного вопреки собственному желанию вдыхать прохладный утренний воздух без ближайшей перспективы выпить чашку крепкого кофе с булочкой. Короче, романтика.

В расписании по дальнейшему движению электричек мы прочитали, что ближайшая на Торжок пойдет через три с половиной часа и перспектива пританцовывать от холода на продуваемом пусть и легком, но весьма чувствительном ве-

терке, перроне, настроения не прибавляло. Но Александр (вот голова!) предложил план, подкупающий заманчивыми перспективами добраться до Торжка пораньше. А именно – выйти на трассу Москва-Ленинград, поймать “попутку” и вот мы уже почти у цели. Доверчивый, я подумал, что хуже от этого не будет, да и Сашин авторитет давил на сознание уверенным тоном, с которым было сделано это предложение.

Осознание того, что вокзал находится на одном конце города, а большак на Ленинград – на другом, пришло слишком поздно. Спустя часа полтора, быстрым спортивным шагом (что называется – “по холодку”) мы подошли к мосту через великую русскую реку Волгу, что, как позже выяснилось, было половиной легкой утренней прогулки до трассы. Пройдя мост и свернув влево, мы неожиданно увидели довольно большой памятник на берегу великой реки.

«Калинин» – подумал я, но, приглядевшись, понял, что подпоясанный кушак и сапоги с загнутыми носами, не отвечают революционному дресс-коду. Я остановился, чтобы разобраться, чей образ изваян в столь приметном месте. Но Саша знал все и пояснил, что это памятник путешественнику Афанасию Никитину, ходоку “за три моря”. И тогда я понял, чьи лавры не давали спокойно спать в теплой домашней койке Александру Николаевичу. Они и внешне были чем-то похожи. Оба монументально красивые в своей спокойной уверенности в правильности выборного маршрута.

Город неожиданно закончился, и вдалеке на пересечении

городской улицы с трассой на Ленинград показалась ярко освещенная будка ГАИ, возвышающаяся на бетонном основании как избушка на курьих ножках. Имея впереди такой ясный ориентир, идти стало как то веселей и спустя несколько минут мы уже стояли на освещенной площадке под нависающим "аквариумом". Мимо проносились редкие в столь ранний час автомобили и на наши призывные жесты реагировать не собирались. Четверть часа мы махали руками, чтобы как-то привлечь внимание водителей, но все безрезультатно. И тогда Саша (вот голова!) сказал, что у нас нет волшебной полосатой палочки и что есть она у одного человека, который, наверняка, в столь ранний час позволил себе скромный отдых на боевом посту. После таких слов Николаич стал подниматься по крутой узкой лесенке в "аквариум" и, спустя несколько минут, оттуда выскочил расхристаный и без фуражки сотрудник славной службы автомобильной инспекции с полосатой палочкой в руке.

– Сей секунд, товарищ майор, – кричал сотрудник ГАИ, резво спускаясь на землю и уже в воздухе начал махать шанцевым инструментом.

И (о, чудо) первая же грузовая фура, скрипя тормозами, остановилась метрах в пяти. Из кабины бегом, доставая на ходу накладные на груз, выскочил водитель. Милиционер в служебном рвении поскорее выполнить просьбу товарища майора не стал даже смотреть протянутые водителем документы, а приказал доставить нас в Торжок, чем сразу же

успокоил водителя.

Меня посадили между водителем и Александром Николаевичем как раз напротив ручки переключения скоростей, что было естественно, но неудобно. Хотя неудобство это было весьма недолгим, поскольку, несмотря на просьбу водителя разговаривать с ним о чем-нибудь, дабы он не заснул, заснул я, предоставив возможность поболтать Саше. Сон мой был неглубок и тревожен, голова болталась в разные стороны, что при желании можно было расценить как жест одобрения или неодобрения сказанного тем или иным участником ночной дискуссии.

Проснулся я при резком торможении, едва не хлопнув головой в ветровое стекло. Водитель разъяснил, что далее дорога на Ленинград уходит вправо, а нам вон по той дороге налево километров пять легким шагом и мы в Торжке. Прощанье было недолгим, но эмоциональным. Уж не знаю, что они с водителем успели обсудить за время пути, только Александр Николаевич прощался с ним как с родственником по маминой линии.

Было уже почти светло. Солнце вставало где-то за нашими спинами, и мы с Сашей, вроде как отдохнувшие (я так и вообще поспал) резво потопали в указанном направлении. Лес уже многообещающе потерял свою пугающую черноту, и радужные перспективы грибного изобилия грели начавшую, было, остывать душу.

В город мы входили триумфально, почти строевым шагом

с мыслью о покоренной высоте. Люди, спешившие на работу и по своим делам, иногда оглядывались на двух калик перехоженных в военной форме песочного цвета, не понимая откуда в их патриархальном городке и куда эти “партизаны” без оружия со столь одухотворенными лицами.

Дома вдоль улицы стояли памятниками архитектуры конца девятнадцатого века. Дорожное покрытие, никогда, видимо, не знавшее асфальта также сохранялось жителями как памятник былинным героям, которые спотыкались на местных кочках, проходя через город на войну с монгольско-татарским супостатом. Улица, по которой мы триумфально вошли в город, была довольно короткой и уже через четверть часа мы стояли в историческом центре Торжка возле высокого собора, на вершине которого, конечно же, отсутствовал крест, а окна были плотно заколочены подобием почерневших от времени ставен. Отсюда расходилось несколько улиц, и этот перекресток дорог создавал видимость маленькой соборной площади.

Город уже проснулся окончательно, и люди спешили по своим делам. Мы остановились, чтобы определить, по-военному говоря, свою диспозицию и выбрать направление дальнейшего движения. Влево от нас дорога с небольшим поворотом шла к мосту через реку, рядом с которым стояли каменные остатки торговых рядов, искусно замаскированные под памятники старины, якобы, охраняемые государством. Правее от нас, чуть в горку, оставляя Собор по левую руку,

шла улица с двухэтажными постройками прошлого века, государством, видимо, не охраняемыми, поскольку ни о какой реставрации за последние полвека, судя по неопределенному цвету фасадов, речи и быть не могло. И совсем уже направо от нас шла улочка с романтическим загибом средневекового городища.

– Командор, как будем определяться – по компасу и карте или по мху на деревьях и Вашим туманным воспоминаниям? – спросил я у Александра.

– По какому мху? – несколько раздраженно ответил Саша, – я все помню. Сейчас мы спустимся к реке, перейдем через мост и затем чуть правее, держа реку за ориентир, выйдем из города и по дороге пойдем в деревню.

– А знакомство с артефактами Тверского княжества планом не предусмотрено?

– Не время, Родина в опасности, – ответил Саша фразой, обычно используемой им в качестве “отмазки” от глупых вопросов не в меру шустрой молодежи.

– Послушай, – здесь не выдержал уже я, – прошло столько лет с незапамятных дней твоего босоногого детства, советская власть докатилась до отдаленных былинных очагов древней Руси и, может быть, в твою деревню уже пустили общественный транспорт-автобус, например, или, на крайняк, “конку”?

– Ну ладно, давай спросим у людей, – милостиво согласился Саша.

Остановив, спешащую по своим делам девушку, Саша поинтересовался как проехать в деревню Малые Дворки, что в двадцати километрах от города. Девушка попалась вежливая и, видать, из местных, потому что очень доходчиво объяснила, что от Храма (она так сказала – от Храма) вдоль высокого правого берега Тверцы туда идет автобус № 19 и остановка так и называется – “девятнадцатый километр”, хотя раньше называлась “Церковь”. Саша ее поблагодарил за столь обстоятельный ответ, но, повернувшись ко мне, сказал, что она ничего не знает, поскольку Малые Дворки находятся на левом берегу Тверцы и автобус (если таковой существует) должен отходить с обратной стороны реки и нам надо перебраться через мост. Я с ним вынужденно согласился, поскольку спорить с Александром по вопросам топографии себе дороже – может послать и по азимуту. Действительно, если деревня на левом берегу, то зачем нам автобус на правом, если только там не открыли переправу.

– Какая переправа? Это бывшая Тверская губерния, а ныне Калининская область, Торжокский район, – в сердцах воскликнул Саша.

“Против такой железной логики не попрешь, – подумал я, – придется перебираться через реку”.

Уже на выходе с моста я остановил человека, немолодого и весьма помятого на вид.

– Любезный, – спросил я его, невольно переходя на какой-то забытый старорусский язык, – правильной ли дорогой

идем мы в забытую богом деревню Малые Дворки?

Человек, оторвавшись от своих каких-то тяжелых дум, постоял какое-то время молча, затем махнул куда-то неопределенно рукой и в сердцах бросил: “Да идите вы...”

– Ну что я тебе говорил, – просветлел Александр, – правильно идем.

Я понял, что спорить более бесполезно и уже молча шел за Сашей, не беспокоя его вопросами развития современных коммуникаций в отдельных районах нашей бескрайней Родины и напоминаниями о возможности поискать девятнадцатый автобус на левой стороне реки. И вот так, как-то незаметно для себя, мы прошли остатки древнего Торжка и вышли в широкое бескрайнее пространство полей, засеянных льном и, от открывшегося вида этого темно-голубого моря колосающегося льна, душа наполнилась восторгом и уверенностью, что “правильной дорогой идем, товарищи!”

Но радость наша была недолгой. Река, как ориентир, давно скрылась за холмами, а дорога, живописно кем-то проложенная в этих бескрайних полях, неожиданно решила раздвоиться. Причем направления двух новых дорог расходились под весьма значительным углом.

– Куды теперь? – я продолжал разговаривать, как мне казалось, а истинном старорусском языке.

Саша выглядел несколько растерянным, но это продолжалось недолго.

– К реке мы всегда успеем выйти, давай пойдем по левой.

– По левой, так полевой, – мне на самом деле было все равно.

Через какое-то время дорога стала заметно идти вниз, и вддали показались отдельные деревья. А дальше, где-то у самого горизонта показалась какая-то движущаяся фигура. То ли всадник, то ли...

– Ну вот, наконец, – с каким-то еле заметным облегчением в голосе сказал Саша, – правильно идем. Вот и первый тамплиер.

– Кто? – я чуть не подпрыгнул на месте, – Тамплиер? Саша, нам надо срочно позавтракать, у тебя начинается голодный обморок, ты бредишь.

– Я тебе потом все расскажу, а сейчас просто поверь, что это один из потомков тех тамплиеров, что, якобы, сгинули в никуда в XIV веке во Франции.

– Поверить? Саша, двадцатый век, Калининская область, – я был искренне возмущен.

– Вернемся к этому позже, а сейчас надо бы расспросить этого человека о дороге, – Саша остановился и стал ждать человека, который довольно быстрым шагом шел в нашу сторону. Пока мы беседовали с Александром, он успел проделать путь, который вряд ли осилил обычный человек за столь короткое время. Но это был человек ростом под два метра с огромной косматой головой и бородой до пояса. Одет он был в холщевую длинную рубаху, подпоясанную кушаком. Его холщевые штаны были заправлены в юфтевые сапоги, чуть

спущенные в “гармошку”. Когда он поравнялся с нами, между ним и Александром была разыграна сцена, достойная отдельной записи в журнале этнографической экспедиции конца позапрошлого века. Александр первым поклонился путнику в пояс и тот тем же поклоном с выбросом руки к кончикам сапог ответил на приветствие.

– А скажи-ка, мил человек, правильно ли к Дворкам идем? – почему-то сильно “окая” спросил Александр.

– А вот по этой дороге и идите, тут недолече, – также “окая” ответил этот, – за этот лесок, а затем дорога пойдет направо к реке, а там уже и сами увидите.

– Ну, благодарствуй, мил человек.

– И вам бог в помощь.

Затем последовало прощание с поклонами в пояс. И этот огромного роста и неопределенного возраста человек пошел своим быстрым шагом в сторону Торжка. Я стоял ошарашенный пока он не скрылся за холмом, из-за которого так недавно вышли мы.

– Саша, кто это был?

– Я тебе уже говорил – тамплиер. По крайней мере, в детстве мне бабушка рассказывала, что эти люди – хранители Чаши Грааля.

– Нет, Саня, давай определимся. Тамплиеры, по старинной легенде действительно защищали эту христианскую реликвию, но причем здесь эти местные жители... И потом, что это за театральные жесты с поклонами в пояс?

– Это трудно объяснить, но вот эти люди появлялись тогда в деревне неожиданно. И все жители при встрече их так приветствовали, а потом они также неожиданно куда-то уходили и никто не знал, откуда они и куда, но бабушка рассказывала, что они хранители Грааля и их Храм где-то недалеко от Малых Дворок, но никто его никогда не видел и никто не знает где он.

– И что, никто из мальчишек или из взрослых в деревне никогда не хотел это выяснить и проследить за ними?

– Почему? Хотели, только все без толку. Если хочешь проверить, поднимись на холм в ту сторону, куда ушел этот тамплиер и ты его нигде не увидишь. Так и в те времена пытались люди за ними проследить и исчезали дня на два-три, а затем их находили то в окрестностях Выдропужска, то в окрестностях Торжка, а то и подалье где и объяснить где они были и что видели никто не смог. Мистика.

– А бабушка твоя была историком или искусствоведом? Она-то с чего взяла, что это – тамплиеры? Саша, если ты только меня не разыгрываешь, то это же тайна планетарного масштаба, а ты тут в пояс кланяешься и “окаешь” на вологодский манер. Дурака здесь валяешь.

– Ничего я не валяю, просто это определенный код, заложенный с детства. Я и сам не знаю, почему я так разговаривал и кланялся, но бабушка с детства вбила в голову, что при встрече с этими людьми надо вести себя именно так, иначе...

– Что иначе?

– Не знаю что, но только тогда на контакт они не пойдут и произойдет что то труднообъяснимое, а, возможно, и страшное.

– Какие-то бабушкины сказки.

* * *

За этими разговорами мы дошли до небольшого лесочка, и я предложил Саше сделать привал – надо было позавтракать и все-таки определиться с этой информацией. Я видел, что Саша не шутил, для него это была информация, переданная через поколения его бабушкой и которой он, возможно, не придавал большого значения. Но я в силу своего образования, как востоковед, знал историю тамплиеров достаточно хорошо (конечно в рамках открытой литературы) и для меня найти следы тамплиеров в далекой российской глубинке, было сродни открытию Шлимманом Трои.

Когда мы разложили на плащ-палатке колбасу, сыр и вскрыли банку тушенки и присели на землю, прислонившись к стволам березок, Саша сам начал разговор, который заставил меня забыть об истинной цели нашего пребывания в здешних краях.

– Ты думаешь, я никогда не пытался разобраться в этом бабушкином предании?

Еще в институте я ходил в “Ленинку”, где, как ты помнишь, на спецфонде работала моя мама и пытался найти хоть

какую-нибудь литературу на эту тему. И выяснил довольно интересные вещи, но чтобы тебе сейчас все объяснить придется прочитать довольно долгую лекцию по философии.

– По какой философии? Классической немецкой или марксистско-ленинской?

– По философии мистических взглядов на объективную действительность.

– Так мистических взглядов или объективную действительность? Ты вначале определись.

– Не цепляйся к словам. Я тебе расскажу, а ты уж сам определяй, что есть мистика, а что объективная реальность. Даже не знаю с чего начать... Ты в бога веришь?

– Ты меня спрашиваешь как коммунист коммуниста?

– Кончай ёрничать.

– Да я и не ёрничая. Мама крестила меня в очень раннем возрасте, мне и года не было. У меня были крестный и крестная... Но молитв я не читал и не учил. Скорее я верю в какую-то высшую силу, объяснение которой найти не могу, однако как человек современный я не могу себе представить небесную канцелярию, которая расписывает каждый шаг конкретного человека в привязке с другими событиями, также предопределенными заранее. Это какой мощности надо иметь компьютер, чтобы расписать миллиарды бит информации полета малярийного комара, который попался в сачёк исследователю тропических насекомых. И этот исследователь затем путем долгих опытов вывел сыворотку про-

тив малярии, чем спас миллионы жизни других людей, внеся тем самым существенные коррективы в планы “небесной канцелярии” по планированию демографической ситуации в конкретном районе.

– Очень хорошо, что именно такой взгляд у тебя на религию присутствует. Тогда ты легче поймешь откуда пошёл мистицизм. Человек со дня своего первого опыта общения с окружающей его действительностью пытается систематизировать все явления происходящие вокруг него. То, что он смог объяснить затем вылилось в научное мировоззрение и возникла саморазвивающаяся система воспроизводства новых знаний на основе теоретических рассуждений и опытной проверки этих идей. То есть это все мы можем отнести к рациональной части человеческого мироощущения. Но были еще вопросы, на которые он не мог изначально найти ответ и он, этот гипотетический человек, стал искать в иррациональном объяснении. Изначально даже гром и молнии приписывались иррациональным силам, то есть божьему промыслу. Называли этих богов по-разному – Зевс, Перун, Яхве и так далее. Но со временем, изучая опытным путем природные явления многие вопросы из иррационального перешли в рациональное. То есть человек шаг за шагом отвоевывал у себя же самого плацдармы для дальнейшего объяснения объективности своего появления и развития и все дальше уходил от теории божественного происхождения, то есть от иррационального мировоззрения, от религии.

– Ну а причем здесь мистика и тем более тамплиеры? – я с трудом понимал куда ведет свои размышления Александр.

– Не перебивай. Так вот, человек изучал окружающий мир, но чем больше он его познавал, тем меньше находил ответ на вопрос о своем месте в этой жизни. Ведь по логике рациональных знаний человек заканчивает свой земной путь и уходит в никуда. Весь опыт и знания, которые он приобрел за долгие годы, оказывается никому не нужны и, по большому счету, он уходит в мир иной в тот момент, когда что-то стал понимать и стал интуитивно ощущать стройность кажущегося хаотичного построения его бытия в четкой совокупности, периодичности и взаимозависимости событий. И вместе с тем иррациональное (божественное) объяснение его появления и ухода тоже не дает ответа – а на фига все это было? И вот здесь на стыке рационального понимания и иррационального объяснения появляется тонкая материя мистики, которая не отменяет рационального объяснения непонятных явлений, но и не в силах полностью отойти от идеи о присутствии каких-то высших сил, предопределяющих происходящее.

Пока Александр читал мне вводную лекцию по философии, я как следует “заправился” и плотный завтрак меня несколько разморил. Идти, естественно, уже никуда не хотелось, а хотелось прикорнуть вот здесь у березы под изящно упакованное в словесную оболочку личное восприятие Александром природы мистических воззрений всего челове-

чества. Я подумал о том, что со стороны наш научный диспут выглядит как иллюстрация древнегреческих мифов о Платоне и его учениках. Если бы на нас были хитоны, а на ногах сандалии из грубой воловьей кожи, а к березе была бы наискосок приставлена амфора с молодым вином, то чем Саша не Платон, а я не друг, и ученик его Евклид и чем эта рошица не роща Академа в окрестностях Афин? Но Александр продолжал:

– Однако роль религии и церкви как института организации человеческого общества и роль мистики, которую в дозированной форме использовали для подтверждения религиозных фабул, опирающихся на рассказы, якобы, очевидцев таких “божественных” деяний и знамений, совершенно различны. Ведь церковь была создана изначально интуитивно как институт власти, институт управления массами людей через добровольное следование определенным правилам, боясь наказания “божественных” сил, а не через принуждение грубой физической силой. В церкви благодаря своей обрядности и рутинному следованию “истинному” пути вся паства четко знает где божественное и как быть приближенным к этому божественному через соблюдение правил и исполнения установок церкви. А мистики – это почти всегда сомневающиеся в правильности и незыблемости установок официальной церкви, всегда ищущие объяснения ни в древних книгах, а в интуитивных поисках истины, скрываемой от них по различным причинам и прежде всего из за бо-

язни потерять право на монополию толкования тех или иных событий, не вписывающихся в систему рационального объяснения.

– Ну, все, Саша, хватит, – я знал за Александром Николаевичем эту страсть к публичным лекциям, но всему должны быть пределы, да и бессонная ночь давала о себе знать – я уже с трудом следил за полетом Сашиной мысли, – давай будем собираться, нам еще идти чёрти сколько. Я тебя только спросил, откуда здесь “храмовники”, которых ты на французский манер называешь тамплиерами, а ты мне лекции читаешь о развитии религиозной мысли со дня сотворения Мира. На трезвую голову это уже не воспринимается, уж прости...

– Если только за этим дело встало, – сказал Саша, залезая вглубь своей котомки.

– Сань, ну давай уже вечером поговорим. Кстати, ты не сказал, где мы остановимся на ночлег, не в чистом же поле нам коротать вторую ночь.

– С этим проблем не будет, а вот то, что ты недослушал мой рассказ – вот это проблема.

– И в чем проблема?

– Да уж больно место это необычное – Малые Дворки. Иногда там происходят вещи малопонятные для неподготовленного человека.

Я стоял в растерянности. Как я полагал до этого, шли мы собирать грибы и ни о чем более разговора изначально не

было. А здесь какой-то новый поворот...

– Что, так все серьезно? – спросил я несколько суровее, чем хотел это сделать.

– Да ладно, я пошутил. Пойдём, тут уже недалекою.

Мы шли молча. Я в уме “пережевывал” Сашину лекцию о мистике, вспоминая, что же нам читали на лекциях по философии восточных религий. В голову лезла всякая чушь о зороастризме, Брахмапутре, Махаяме и Омаре Хайяме. Единственное, что я вспомнил совершенно четко – это то, что исламские мистики еще в восьмом веке создавали свои монастыри, где учили своих учеников святости, и в этих монастырях, начиная с XII века, создавались религиозные ордена, такие как Кадырийя, Рифайя, Мевлевийя и другие. Их членов отличало презрение к условностям и безразличие к каноническому культу. Они утверждали, что абсолютную истину можно постичь лишь интуицией, а не логикой и слепым следованиям букве Корана, тем более что комментариев к Корану существовало столько же, сколько и богословов на тот период.

А чем собственно это положение с мистиками в Исламе отличалось от положения мистиков в христианской религии? Да ничем. В Иудаизме совсем другое дело. Там, что ни мистик, то скрытый мессия. Этот институт там в почете...

Дорога повернула вправо, и заметно пошла вверх. Через несколько минут мы оказались на вершине небольшого холма, с которого открывался вид на реку, на берегу которой

располагалась ничем неприметная деревушка, а за ней опять были видны холмы, покрытые лесом, спускавшимся к самой воде.

– Ну вот, слава Богу, и пришли, – сказал Александр Николаевич, – Малые Дворки, а за ними тот самый лес...

– ...Где спрячутся твои храмовники, – закончил Сашину фразу я.

– Нет, где мы с бабушкой собирали самые вкусные грибы.

– Ну, наконец-то, ты вернулся к реальной жизни, – мне сразу стало как-то спокойно на душе, как- будто с неё свалилась массивная мраморная плита. Рано расслабился.

* * *

Деревня началась с загонов для лошадей. Довольно большие поля были огорожены горбылем, прибитым к массивным бревнам, вкопанных в землю. В одном из загонов паслись четыре коня (или лошади, кто их там рассматривал) рыжего окраса с высокими, но совсем не тонкими ногами. Саша обрадовался как ребенок.

– Ты видишь, они такие же как те, – громко вскрикнул он, подбегая к ограде.

– “Те” – это какие? – испугано спросил я, полагая, что Александр сейчас опять начнет про тамплиеров, поскольку в моей голове пробежала мысль о том, что на обслуживание одного рыцаря в крестовых походах было необходимо четы-

ре лошади и один оруженосец – “сержант”. Лошадей было четыре, значит, где-то рядом должен быть и сержант...

– Те же, что были в моем детстве, когда я отдыхал у бабушки, – радостно ответил Саша, – я помню, они были такие же рыжие и очень любили кушать хлеб с руки. Дай хлеб, он там в рюкзаке.

Я подошел к сашинному рюкзаку, брошенному им у дороги, развязал неплотный узел и достал буханку белого хлеба. Саня оторвал довольно приличный кусок, протянул руку к коню и стал как-то странно цокать языком. Те кони, что паслись подалеже, только ушами отреагировали на Сашин призыв, а ближайший подошел и стал губами отщипывать от куска хлеба. Конь был очень красив во всех своих деталях – огромные глаза, мохнатые белесые ресницы, темные жилки, проступавшие на желваках и шее, широкая грудь.

– На, покорми его, – Саша потянул меня за рукав и всовывая мне в ладонь оставшийся у него хлеб.

Честно говоря, у меня с детства с лошадьми отношения как-то не заладились. Когда я отдыхал у своей бабушки на хуторе в степи, я имел удовольствие пару раз падать с лошади в густую и белую как крахмал донскую пыль. Тогда надо мной, городским семилетним мальчишкой, ржали не только лошади, но и все местные казачата, которые приходились мне на этом хуторе двоюродным и троюродными братьями. Страх и обида на этих дивных животных так сильно засели у меня в душе, что даже сейчас я с опаской протянул руку к

морде этого рыжего красавца. Но все оказалось не так страшно, как мне представлялось, а даже, наоборот, приятно, но щикотно, когда конь своими губами собирал с моей ладони оставшиеся крошки хлеба.

Закончив с кормлением, мы, подхватив свои котомки, пошли вдоль ограды к домам, которые стояли в полусотне метров. Неожиданно из-за дома выскочил человек и быстрым шагом пошёл в том же направлении, в котором шли мы с Александром. Лица его, естественно, мы не видели, да и не могли видеть – из-за дома он выскочил спиной к нам и по дороге ни разу не оглянулся. Однако Саша встрепнулся и сначала тихо, как бы про себя сказал: “Коля”, а затем уже громко крикнул:

– Коля, Николай!

И так это у него задорно получилось, что даже я просветлел в лице, радуясь предстоящей встрече старых друзей.

Мужчина опасливо оглянулся и я увидел, что на пол лица у него огромный синячище.

– Коля, – Александр радостно протянул к нему руки, – ты меня не узнаешь? Мы же с тобой в футбол играли.

То ли этот Николай уже не входил в футбольную команду, то ли ему за его игру на футбольном поле и поставили этот “фингал”, но только мужик как-то резко пригнулся, затем перепрыгнул через плетень и зигзагами побежал в сторону реки.

– Коля, ты куда? – закричал Александр и в растерянности

остановился.

– Когда это вы в футбол с ним играли? – спросил я несколько недоверчиво

– Тогда и играли. В детстве.

– Саша, тебе тогда было десять лет. Сейчас тебе тридцать восемь. Путем несложных математических рассуждений можно с достаточной долей уверенности сказать, что прошло двадцать восемь лет. Мальчик Коля вырос. Жизнь его в деревне, обделенная яркими переживаниями крупных спортивных соревнований, наверняка, повела его по пути неумеренного употребления алкогольных напитков и он не помнит не только светлые дни вашего богатого спортивного прошлого, но и полные свои установочные данные – фамилию, имя, отчество, год рождения и номер противогаза. И потом, с чего это ты взял, что этот мужик с испитым и изрядно помятым лицом – Николай? Насколько я понимаю, только опытный взгляд контролёра-пограничника может через столько лет вот так визуально идентифицировать личность.

– Да я голову даю на отсечение, что это- Коля.

– Возможно. Только этот Коля, судя по его реакции, понял, что звал ты его не для того, чтобы вспомнить совместно проведенные дни на колхозном поле с пузырьем, а понял, что его опять будут бить двое чужих неизвестных мужиков. Мягче надо с людьми, ласковости в голосе прибавь.

– Да, – несколько растерянно сказал Саша, – столько времени прошло.

Дальше шли молча. Прошли всю совершенно безлюдную деревню насквозь, и подошли к крайнему старенькому дому, стоявшему от леса в нескольких десятках метров.

– Это здесь, – сказал Саша, снимая рюкзак с плеча. Вот в этом доме жила моя бабушка – Головина Пелагея Ивановна.

– А кто сейчас здесь живет? Разве не родственники?

– Да нет, родственников здесь не осталось. Мы узнали о смерти бабушки из письма от сельсовета через несколько месяцев после того как ее похоронили. Отца тогда уже не было в живых. В пятидесятые годы он работал в институте у Курчатова. Тогда о радиации никто ничего не знал и они радиоактивные материалы носили в обычных эмалированных ведрах. Только свинцовые фартуки одевали. А в конце шестидесятых он и помер. А я вот только сейчас сюда к бабушке собрался ...

– Понятно. А с чего ты взял, что нас здесь пустят на постой? – история становилась совсем грустной.

– Пустят. Наверняка пустят. Бабушку в деревне все знали и уважали. Авторитетная была бабушка. Знала много загадочных историй и присматривала за могилкой Анны Павловны Керн. Должны пустить, – последнюю фразу Саша сказал уже уверенным голосом.

– Это какой Анны Павловны? Той самой? – у меня от

удивления опять зашумело в голове.

– Да, той самой. Пушкинской Музе.

Я помню чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Саша продекламировал первое четверостишие А.С. Пушкина, посвященное Анне Керн.

– А что, она где-то здесь похоронена? – я и представить себе не мог, что Анна Павловна Керн похоронена в такой глуши.

– А где еще должен был быть похоронен член масонской Ложи “Великого Востока Франции” – прямого идейного наследника Ордена тамплиеров. Ты же помнишь из истории, что восстание декабристов в 1825 году готовили члены тайного общества “Полярная звезда”. Только это было не просто тайное общество, а отделение масонской Ложи. Александр Сергеевич занимал к тому времени низшую ступень посвящения братства Свободных Каменщиков – подмастерье.

– Ну, да, до прораба не дотянул ...

– Причем здесь “прораб”, деревня! – Александр от возмущения даже покраснел, – были три основные ступени посвящения – подмастерье, член братства и мастер-каменщик.

Так вот, после подавления восстания на Сенатской площади многие члены Братства были казнены и сосланы, а многих

и не вычислили, поскольку конспирация в Ложе была еще почище, чем в нашем КГБ. До нижней ступени следователи не докопались. Пушкина на всякий случай отправили в Михайловское, а Анна Керн уехала в Торжок. Больше они, кстати, не виделись.

– Чего ты разошелся, – настала моя очередь возмутиться, – Следователи не докопались, а ты, гляди-ка, докопался. Приятно, когда так живенько рассказывают о тайнах нашей истории, только тебя постоянно куда-то заносит. Прощлый раз ты тоже рассказывал о Великой Французской революции так, как будто сам разбирал Бастилию... “Робеспьер, Марат, моя жена, якобинцы...” А за “деревню” еще ответишь.

– Ладно, не обижайся, – пошел на попятную Саша, – надо было до конца выслушать то, что я тебе рассказывал там, в роще. Сейчас бы не ёрничал.

Пока мы с Сашком так препирались, из дома вышла женщина средних лет, в светло-сиреневом платье и платком на голове. Поздоровавшись, она спросила, кого мы разыскиваем.

– Я Головин Александр, внук Пелагеи Ивановны, если Вы такую помните, она жила в этом доме, – Саша, когда хотел войти в доверие всегда говорил таким голосом, что ему не верить было невозможно. Скорее всего, дело было в тембре и модуляции голоса. И если бы он сказал, что он внук последнего из Великих Магистров Ордена тамплиеров Жака де Моле, поверил бы, кажется, даже следователь императорско-

го ведомства, распутывающий клубок тайных связей масонской Ложи петербургской “Полярной звезды”.

– Да уж конечно, как же, я помню Пелагею. Да и Вас я, по-моему, помню. Вы были тогда таким же светловолосым мальчиком. Мне кажется, что Вы особо не изменились.

– Простите, как Вас зовут, – Саша был само обаяние.

– Вера Николаевна, – быстро, слишком быстро, как мне показалось, ответила женщина.

– Вера Николаевна, мы с другом приехали на пару дней собрать грибы. Нам негде остановиться на ночь. Нельзя ли у Вас...

Женщина, очевидно, думала, что внук Пелагеи Ивановны приехал заявлять права на бывшую бабушкину собственность, поэтому, когда Саша сказал, что мы приехали только за грибами, так обрадовалась, что даже не дослушала Александра.

– Конечно, оставайтесь сколько Вам надо. Только мне накормить Вас нечем, – смущенно добавила она.

– Об этом не беспокойтесь, у нас все с собой. В этом мы Вас нисколько не стесним.

Мы прошли в дом в большую комнату, где стоял квадратный стол, у стены был диван, а у другой старый буфет.

– Вот здесь можете переночевать. Там, – она показала рукой моя спальная, а вот там, – жест в сторону другой двери, – дочь с мужем.

Мы достали из наших рюкзаков остатки наших сухих пай-

ков. Оказалось, что остатков было совсем немало – сыр, колбаса, тушенка, банки с рыбными консервами, галеты, шоколад и даже бутылка водки. Вера Николаевна, как мне показалось, давно не видела такого изобилия – движения ее рук стали суетливы. Было даже как-то неудобно смотреть как она то вытирала руки о рушник, висевший на спинке стула, то стряхивала ладонью какие-то крошки со стола и ждала, когда мы разрешим завладеть нашим пайком. Мы, естественно, отдали хозяйке все, кроме водки. Вера Николаевна сразу сложила все банки в буфет, а колбасу и сыр отнесла на кухню в холодильник.

Избавившись от излишнего груза, который, по правде говоря, уже изрядно надоел, мы почувствовали такой прилив сил, что забыли о своем желании уже упасть где-нибудь и просто поспать. И Саша попал в нужную тональность, когда посмотрев на меня, просто сказал:

– Ну что, за грибами?

Вера Николаевна выдала нам два довольно вместительных лукошка, но предупредила, что благородных грибов сейчас в лесу нет, поскольку вот уже несколько недель стояла не по грибному сухая погода.

– Сейчас только козлята, сыроежки, да эти розовые, я уж и не знаю, как их назвать. Наши их собирают, когда самогон в деревне заканчивается. А трюфеля еще в июле закончились..., – Вера Николаевна как-то грустно вздохнула.

– Разберемся, – решительно сказал Александр и пошел на

ВЫХОД.

– Когда хоть придете? – Вера Николаевна проводила нас до калитки, – Я вам картошки отварю к приходу, картошки полно.

– Часа через два. За это время все будет уже ясно. Если грибы есть, то придем с грибами, а если нет, то ...

Я уже понял, что, скорее всего, будет “то”, хотя не представлял, что же это такое “то”. Я где-то читал, что в лесах Мексики водятся галлюциногенные грибочки, но Мексика вона где, а мы-то здесь.

* * *

Лесок нам попался ещё тот. Бурелом, да высохшие русла каких-то ручейков, да мелких речек. Короче, картина Ивана Шишкина “Лесная глушь”. Ходили мы по этой глуши довольно долго без каких-либо результатов. Все высохло. Кругом нагло стояли только розовые грибы. Я сорвал несколько и долго рассматривал. Очень похожие на розовую волнушку, но ножка очень тонкая. Волнушка съедобна условно, причем, отвар то надо сливать перед засолкой... Сливать надо. Чего там Вера Николаевна говорила о самогоне?

– Сань, а вот грибочки то эти вы раньше собирали?

– Мужики собирали, но лучше их не трогать. Эффект, говорят, больно сильный. Мужиков потом дня по три искали...

– Ну, теперь то все понятно. За тамплиерами они следи-

ли. Отвару напивались и уходили в параллельные миры... Бабушка то грибочками твоя не баловалась?

– Бабушку, светлая ей память, не трожь. А вот знал бы историю получше, понял, что бежать то тамплиерам после судилища во Франции то было некуда кроме как сюда на Русь.

– Это с каких-то им сюда бежать?

– А с таких... Орден тамплиеров изначально был образован после того как на церковном соборе в Клермоне в 1095 году Папа Урбан Второй провозгласил крестовый поход. И сделал это исходя, в том числе, из просьбы византийского цезаря Алексея Комнина, который возглавлял в то время восточную ветвь христианства. И как ты помнишь на Древней Руси как раз эту восточную ветвь и исповедовали, а уж влияние православного или как оно еще называется ортодоксального христианства на умы религиозного ордена, располагавшегося в Иерусалиме, в непосредственной близости от Константинополя, было, как ты понимаешь, достаточно сильное.

– Это еще не о чем не говорит.

– Да нет уж, это говорит о многом.

– У нас с тобой совершенно беспредметный спор. Все, что ты говоришь – это всего лишь твоя версия, не подтвержденная никакими письменными источниками. И даже более того, ты совершенно некритически подходишь к вопросам о роли в истории таких образований, как религиозные ордена. Ты их просто идеализируешь и романтизируешь. Ты – адепт.

– Подойди критически и аргументировано, опротестуй

мои слова, а не навешивай ярлыки.

– Хорошо, все равно заняться больше нечем. Начнем с того, что за каждым делом сначала стояло слово. Прежде всего, первопричиной возникновения религиозных орденов были крестовые походы. А до этого существовало просто монашество, которое затем объединилось в аббатства... Нет, я не об этом хотел сказать. Я хотел начать с того, что изначально идея крестовых походов возникла из-за вполне материальных, я бы даже сказал, банальных причин. В конце одиннадцатого века в Западной Европе система наследования была устроена так, что после смерти отца-владельца земли, замков и накоплений все получал старший сын, остальные же дети мужеского полу получали крохи – коня, да веревку и деваться им, кроме как идти на службу к собственному брату или его сюзерену было некуда. Но, чтобы быть на службе изначально уважаемым членом воинской дружины он должен был быть экипирован по тогдашней моде, на что, как ты понимаешь, не у всех хватало средств. По этим, вполне материальным причинам, несостоявшиеся сеньоры занялись деятельностью, плохо сочетаемую с тогдашним уголовным кодексом и никак не сочетаемую с религиозными добродетелями, такими как “не убий” и “не укради”. Короче, занимались они грабежами на большой дороге. Причем, занимались этим вместе с некоторыми своими крестьянами, обиженными на своего сеньора и ушедшими в лес. И явление это приняло такие масштабы, что ни слово божье, ни каленое же-

лезо воинских дружин местных сеньоров, да и самого короля с явлением этим уже не справлялось. И тогда возникла идея канализировать все это бандитское воинство подальше от европейских городов куда-нибудь за море, а заодно поиметь с этого вполне материальные выгоды в пользу церкви и укрепить церковную власть, которая вынужденно делила ее со светской властью. И вот Урбан Второй провозгласил церковный поход в далекую Палестину на борьбу с “неверными” по освобождению Гроба Господня. А поскольку в тот период был затяжной недород злаковых (а картофеля, как ты понимаешь, из Америки тогда еще не завезли) и голодные крестьяне в отсталой Европе того времени пухли с голоду, да пробавлялись грабежом, идея эта легла на весьма подготовленную почву. Народ толпами пошел в Палестину, тем более, что церковь отпускала паломникам все предыдущие грехи. А вот когда местное население на территории Малой Азии встретило эти толпы страждущих совсем не по-христиански, поскольку для них они были обычными оккупантами, тогда уже возникла необходимость в защите этих “освободителей Гроба Господня” от праведного гнева местного населения. И уже гораздо позже, как это всегда умели хорошо делать на Западе, перевернули все с ног на голову. Оккупантов назвали освободителями, разграбление богатых городов мусульманской Малой Азии назвали поиском и возвращением в лоно истинной церкви христианских ценностей, ну, и так далее и тому подобное вплоть до нынешних романтических

сказок о чистых душой рыцарях, круглых столах Короля Артура и Ричарде Львиное Сердце ... Кстати, о Ричарде. Прозвище свое он получил не за благородство своих помыслов и поступков, а за жестокость при обращении с пленными.

– Ближе к теме. Предмет нашего спора состоит в том, могли ли тамплиеры перебраться на Русь, а не откуда они вообще появились.

– Чтобы понять последствия надо разобраться в первопричинах. Орден тамплиеров был образован как воинское формирование, обеспечивающее безопасность паломников на территории Палестины. Как ты знаешь, само название они получили от французского слова “храм” и располагались на территории разрушенного храма иудейского царя Соломона, от всего комплекса которого в настоящее время осталась только стена плача. А дальше уже пошли сплошные легенды об их рыцарских правилах поведения с мирным населением и благородством в бою. На самом деле все было как всегда – кровь, грязь, золото и предательство. Когда собранного золота было достаточно, чтобы задуматься о его правильном использовании началась истинная история развития и подъема экономики Запада, а главное, развития банковского дела и появления целого класса банковских работников. А еще был подъем общей культуры западного мира, который в Малой Азии научился пользоваться за столом не только ножом, но и вилкой, салфеткой и периодически мыться в парных банях. А также пользоваться на практике основами математи-

ки и научились элементарным санитарным нормам и поняли основы медицины, столь развитой в тот период у мусульман. А уж с чего ты взял, что они занимались мистикой и религиозной философией я уж и представить не могу.

– Боже мой, какая каша у тебя в голове. Вилкой, чтобы ты знал, стали пользоваться в высшем обществе во Франции только в шестнадцатом веке, а в банях они не мылись даже в девятнадцатом. И более того, русское воинство, которое в Париже в восемьсот пятнадцатом по субботам на реке Сене устраивало еженедельную баню, считали варварами. А анатомией серьезно стали заниматься только в период Возрождения, когда появилась возможность хоть немного уйти из-под пресса церковных запретов. А вот на счет банковского дела ты абсолютно прав. Они очень разумно вкладывали деньги и использовали для этого знания и опыт иудеев, которые этим занимались как в Европе, так и в Азии на всех этапах так называемого Шелкового Пути из Китая в Европу. Люди эти назывались “рохданитами”...

– Знаю, с древнеперсидского это означает “знающие дорогу”.

– Так вот, все эти ‘баратные’ операции, дорожные чеки, векселя и тому подобное легли в основу созданных фондов развития ордена тамплиеров, которые в конце тринадцатого века стали крупнейшими землевладельцами и крупнейшими кредиторами для многих западных правителей. В том числе их деньги легли в основу Ганзейского союза, в состав кото-

рого входило, в том числе, и княжество Великого Новгорода. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– О том, что Великий Новгород входил в их финансовую империю и, конечно, они имели полное право перевести свои средства на Русь после того, как их “раздолбали”. Ну и где эти деньги? Почему королевства, герцогства и княжества на Западе на этих деньгах резко пошли в рост, а у нас опять отставание на пятьдесят-шестьдесят лет от них?

– Это предмет долгих серьезных исследований, а не нашего трёпа.

– Трёпа? Ты хочешь сказать, что всю эту тему ты придумал для того, чтобы нам не было скучно ходить по этому пустому лесу, а главное, оправдать твое желание приехать на родину дедушки с бабушкой под видом посещения сакральных мест забытых религиозных учений?

– Ты все усложняешь. Все гораздо проще. Хотя...

Саша замолчал и мы шли молча довольно долго. Я почувствовал, что устал так, как не уставал уже давно. Казалось, что если я нечаянно споткнусь о какую-нибудь корягу, то уже в падении усну, и меня с земли уже будет не поднять. Не сговариваясь, мы пошли в обратную сторону, автоматически собирая по дороге в кошелки эти непонятные розовые грибы. Через полчаса мы уже выходили из леса. Солнце уже садилось и цеплялось за края далеких холмов. Длинные тени создавали впечатление пасторальной картины срединной Италии. Далекие рощицы были полны неразгаданных тайн,

а изгиб узкой сельской дороги, исчезающей за холмом, звал заглянуть за этот горизонт, что бы разгадать хотя бы одну из них. Я удивился тому, что у меня еще хватило силы как-то отреагировать на эту красоту.

Вера Николаевна встретила нас полным котелком вареной картошки, салатиком из огурцов и помидоров и раскрытыми банками рыбных консервов. На столе еще стояла поллитровая бутылка самогона, что как-то повысило упавший градус объективной оценки происходящих в последние сутки событий.

Ужин прошел, в основном, молча. На вопросы Веры Николаевны мы отвечали как-то односложно и самогон, достаточно крепкий, но довольно приятный, хоть и прибавил немного сил, но не снял всю тяжесть усталости, поэтому сразу после ужина, несмотря на еще раннее время, я попросил дать мне возможность лечь спать. Хозяйка постелила нам на диване и я, ударившись о подушку, потерял сознание.

Следующее утро было прекрасным, по крайней мере, для меня. У меня был столь глубокий сон, что я чувствовал себя полностью отдохнувшим и полным сил. Когда я проснулся, Александр был уже одет и сидел за столом с чашкой чая, однако вид у него был отнюдь не отдохнувшим. поприветствовав своего друга, я стал одеваться и убирать постель. Затем я вышел во двор и почувствовал всю прелесть теплого утра уходящего лета. От реки шел легкий туман, пробиваемый лучами еще низкого солнца и на земле то там, то здесь по-

являлись светлые пятна, и это создавало иллюзию какого-то полета. Над туманом на той стороне реки на высоком её берегу стояла церковь и если бы не край берега, отчетливо видимый на фоне чистого неба, сложилось бы впечатление, что купол церкви стоит на облаках. Я вдруг вспомнил все наши вчерашние разговоры и подумал, что может быть всё сказанное Сашей не лишено смысла. По крайней мере, в декорациях сегодняшнего утра можно было увидеть материализовавшуюся версию Саши о присутствии в этих волшебных местах рыцарей в белых плащах с красными крестами на груди. Казалось, что еще мгновение и из этого тумана выйдут всадники на рыжих конях.

“Может быть, все дело во вчерашнем самогоне”, – подумал я.

* * *

В избу я вернулся в весьма приподнятом и даже несколько в романтическом настроении. Веры Николаевны в доме не было, чаем распорядился Саша. Мы сидели молча довольно долго и меня все мучил вопрос о причинах смурного Сашиного настроения. Он не рассказывал о своих думах, а мне спросить было как-то неудобно. Но когда-то надо было все выяснить и я, как бы между делом, спросил:

– Ты чего не в духе? Не выспался?

– Выспался? – с каким-то возмущенным удивлением

спросил Саша, – Это ты как сурок всю ночь продрых, а я, между прочим, тебя, можно сказать, от смерти спас.

– От смерти?... Господи! Саша, отсюда поподробнее.

– Да особенно-то и рассказывать нечего. У Веры Николаевны, как ты помнишь, взрослая половозрелая замужня дочь.

– Она оказалась вампиршей и ночью устроила шабаш, – предположил я.

– Да уж если бы так. Вчера я уже укладывался спать, как пришла эта Маша с каким-то мужиком...

– С мужем?

– Я тоже так подумал. Позже пришел муж... И этот муж видит в постели с женой другого мужика и еще двоих в соседней комнате уже раздетых, – Саша тяжело вздохнул, – В сенях он нашел топор и ...

– Что “и”?

– И полночи гонял жену, мужика и меня по хате...

– По хате?

– Ну, вначале по хате, а потом я смог увлечь всех этих психов во двор от тебя подальше и разбирались мы уже на окраине деревни.

Я представил себе эту картину, и меня бросило в холодный пот. Так ведь можно было, и закончить свой земной путь таким идиотским образом. И ведь втихаря бы закопали в этом гадком лесу, а потом бы списали бы все на тамплиеров, которые увели двух советских офицеров за собой в па-

раллельные миры.

– И что, Саня, так голышом и бегали по деревне? – более глупого вопроса я задать в тот момент не мог.

– Я-то в трусах был. Тетка с мужиком голышом, а этот, с топором, при полном параде – в холщевой рубахе, в каких-то шароварах и сапогах в гармошку.

– Да, сапоги в гармошку – это яркая деталь... А что соседи?

– А что соседи? Вера Николаевна потом уже рассказала, что дочь у неё “с приветом” и эти ночные разборки уже давно явление рядовое, соседи привыкли.

Завтракать как-то сразу расхотелось. Вообще все расхотелось, а захотелось домой. Очень захотелось.

– Сань, поехали домой. И поскорей.

– А на рыбалку? Мы же хотели еще на рыбалку сходить.

– Саша, какая рыбалка? Бежать отсюда надо, бежать.

– Не бойсь, никого здесь не будет до позднего вечера. Я с Верой Николаевной договорился – она дает нам свою лодку. Кстати, она потом нас перевезет на ту сторону реки, так что собирайся, пойдём на Тверцу.

* * *

Сборы были недолгими – подпоясались, рюкзачки взяли и бегом из дома. Вера Николаевна ждала нас на берегу около привязанной небольшой лодочки, в которой уже лежали

удочки и какая-то приманка. Вера Николаевна, пряча глаза, отвязала лодочку и сказала, что подойдет к берегу через час. Мы по очереди залезли в слегка покачивающуюся на воде лодочку, которая едва была рассчитана на двух человек. Я сел на корме, а Саша сел на весла. Вера Николаевна оттолкнула лодчѐнку и печально стояла пока мы осуществляли маневр нашим плавсредством, выходя на курс. В отличие от Александра я имел возможность, сидя на корме, провести визуальный анализ состояния жидкости в которой мы имели неосторожность передвигаться. Первичный анализ не предвещал ничего хорошего. Прозрачность жидкости была почти нулевая, а, проще говоря, вода была грязно-черная. Водоросли, которые, как правило, росли у берегов таких тихих спокойных речушек, отсутствовали напрочь. Лягушечки-ящерики, которые, по идее, никак не могли в столь раннее время года улететь на юг, ничем не нарушали гладь водоема, да и всплески играющих на поверхности воды рыб не наблюдались на всю глубину моего визуального анализа. Я понял, что это не Тверца, а мертвая река Стикс из древнегреческих мифов, через которую перевозили души умерших в царство Аида. А, поскольку после рассказа Саши о ночных событиях, душа моя уж точно находилась где-то вне моего тела, то Александр как раз подходил на роль Харона. Мне в голову пришла сумасшедшая мысль о том, что на самом деле я этой ночью умер и Саша везет меня на тот берег... Вернее сказать, не меня, а мою душу в Тартар. С того берега реки,

из глубины зацепившегося за плачущую иву облака тумана, раздался собачий лай.

“Ну вот и трехглавый пес Кербер, охраняющий вход в Аид”, – с тоской подумал я. Мысли мои вне моих желаний потекли в печальном направлении о тщетности жизни, о тонкой грани между реальностью и тем миром, который так пугает и волнует человечество уже столько веков и, как-то само собой, с удивительной четкостью я понял, что для человека единственным таинством всегда является смерть. Не рождение, не возрождение, не реинкарнация, поскольку человек, рождаясь, не понимает еще ничего, а по прошествии лет в сознательном уже возрасте воспринимает свое рождение как нормальное естественное явление. Но смерть явление страшное, непонятное, порождающее массу вопросов – куда, а что там, почему сейчас? Не удивительно, что люди придумали столько религиозных историй о загробной жизни. Все это от страха перед той тайной, которую не разрешить никогда и никому, поскольку “оттуда” еще никто не пришел и не рассказал какие там кисельные берега и молочные реки.

– Ты что, заснул? – вернул меня к реальной жизни Сашин голос, – Давай удочки.

– Саша, какие удочки, ты посмотри, что может быть в такой реке?

– Сейчас проверим, – оптимизм Александра не знал границ. Саша размотал леску, поправил поплавок, насадил на

крючок что-то из полиэтиленового пакета, поплевал на крючок со знанием дела и, слегка качнув лодочку, бросил снасти в воду.

Течение было довольно сильное и нас стало сносить в сторону Торжка. Пришлось сесть на весла, и пока Александр следил за поплавком, потихоньку отплывавшим от борта, я старался держать наше утлое суденышко как раз напротив нашей деревеньки. Поскольку голова моя была направлена по течению, то есть я лицом сидел к той стороне, где далеко стоял на берегу вот этой, с позволения сказать, реки древний город Торжок, то, подняв голову и в очередной раз повернув её назад, чтобы не потерять правильность направления нашего движения, я заметил за изгибом реки, закрытый до этого момента высоким холмом, мост. Вернее, правый конец моста, упирающийся в видимый край противоположного берега. Я стал грести сильнее и, через несколько минут, передо мной во всей красе открылся мост. Уж не знаю, пешеходный или автомобильный, но мост. А это значило, что та девушка в Торжке, которая сказала, что нам надо ехать на автобусе до церкви, была абсолютно права. Мы бы спокойно перешли с того берега на этот ... Но тогда я бы не увидел этих голубых полей льна, этих красивых извивающихся дорог, этого детищу-“тамплиера”. Короче, не стал я Сашке ничего говорить, а, опустив весла, стал ждать, когда течение отнесет нас опять ближе к деревне.

Так прошло около часа. Сашка периодически менял глу-

бину установки поплавка, направлял удочку то с одного борта, то с другого, но результат был все тот же, а, вернее, его вообще не было. Он что-то бубнил себе под нос, кого-то поминал, цокал языком, посвистывал. Короче, использовал весь арсенал заядлого рыболова для заманивания рыбки большой и маленькой, но все безрезультатно.

– Поздно вышли, надо было по утренней заре идти, – в сердцах произнес Александр.

– Мог бы уж сразу в ночное пойти, чего уж мелочиться, – вяло огрызнулся я.

– Ладно, гребь к берегу, Вера Николаевна уже подошла.

Мы забрали нашу хозяйку, и я стал грести к тому берегу, где стояла церковь. Причалив у больших валунов, которые, видимо, использовались как пристань, мы вышли из лодки, попрощались с Верой Николаевной, которая нам в дорогу передала бутерброды с колбасой и сыром и стали подниматься по крутому берегу, периодически оглядываясь на все дальше уплывающую лодочку. Незаметно для себя мы зашли на старое кладбище, которое выглядело очень запущенным. Могильные камни глубоко вросли в землю и почти все были покрыты ярким зеленым мхом. Недалеко от цоколя старинной, с осыпавшейся краской и растресканными капителиями, церкви мы увидели вросший в землю могильный камень. На нем проступала едва различимая надпись, которая заставила меня присесть на корточки и на ощупь прочитать известную еще с юности фамилию. Я убедился, что

Сашин рассказ о похороненной в этом богом забытом месте А.П. Керн был не его выдумкой, а реальностью, данной мне в тактильных ощущениях. Александр был доволен, произведенным на меня впечатлением. Он стоял, гордо скрестив руки на груди.

– Ну? – спросил Александр, видимо вкладывая в этот вопрос всю силу доказательства своей бредовой идеи о присутствии тамплиеров и масонов на древней тверской земле.

– Что “ну”? – переспросил я, выражая всю полноту недоверия к его рассказам.

– Помянуть бы надо.

– Ты в этом смысле? Тогда конечно..., – здесь крыть мне было нечем.

* * *

Мы на соседнем бугорке разложили, приготовленные Верой Николаевной бутерброды, достали из котомки бутылку водки, разумно спрятанную вчера Сашей, разлили её в пластмассовые кружки и, не чокаясь, выпили без слов.

Солнце уже было высоко, туман уже рассеялся, и с высоты холма картина была умиротворяющая. Даже речка, текущая внизу, с этой высоты казалась не иссини- черной, какой она была на самом деле, а отражая своей гладью небо, выглядела темно-голубой и контрастно подчеркивала границы того, чужого теперь для меня мира. Мира, где теперь для меня навсе-

гда жили полутени моих непережитых во всю силу страхов и недопонятой мной тайны. Как в детстве после первого прочтения “Волшебника изумрудного города” мир разделился для меня на повседневную вселенную и маленькую страну за высокими горами, где разговаривают животные и железные дровосеки, живут маленькие человечки и злые волшебницы. Так и здесь я ощущал почти физически то, что там, за рекой страна, где есть вещи труднообъяснимые и пугающие меня. “Может быть, – подумал я, – Анна Павловна Керн похоронена здесь, поскольку она, несомненно, была светлой личностью”. Короче, я захмелел. Меня опять потянуло на разговор, и я признался Саше, что воспринял реку Тверцу как мёртвую реку царства Аида и поделился мыслями о том, что сама мысль о смерти очень пугает и вместе с тем притягивает своей неминуемостью.

– Ты знаешь, все-таки в смерти человека есть самое большое таинство, – меня потянуло на размышления, – не в рождении, а именно в смерти. Сам факт рождения для человека есть процесс естественный, поскольку, рождаясь, он не осознает и не осмысливает этот факт, а принимает его как данность. А вот факт смерти, своей смерти, для человека кажется неестественным, непонятным и неприемлемым всеми своими чувствами и разумом. Отсюда, очевидно, и желание заглянуть туда, куда улетает душа после смерти своего физического тела. Отсюда и поиски хоть каких-то знаков, сигналов, весточек “оттуда”, откуда ещё никто не вернулся. Ско-

рее всего, здесь надо искать происхождение всевозможных мистиков, образовавших в этих поисках всевозможные ордена и масонские ложи. Скорее всего, они всегда были противны официальной Церкви и тамплиеры тоже были уничтожены, прежде всего, с подачи Папы. Правда, твоя идея о бегстве их в наше родное отечество не более, чем игра твоего воображения.

– Не моего, это мне бабушка сказала. А я ей привык верить... А на счет твоей идеи о мистиках и их взаимоотношений с официальной Церковью ты абсолютно прав. Мистика – это своеобразный вызов официальной религии, причем, независимо от её конфессиональной принадлежности. И в христианстве, и в исламе, да и в других религиях сектанство, основанное на поисках мистического общения непосредственного с Творцом, минуя посредников в лице официальной Церкви, всегда преследовалось. И в этом есть своя логика. Но логика эта построена на светском понимании власти. Какому же отцу Церкви понравятся люди, распространяющие в пастве идеи, исходящие не от него, любимого пастыря. Это же нарушает строгую систему подчиненности. А отсюда и все остальное – и падение уважения к проповеднику, и уменьшение пожертвований. За это, кстати, был распят Иисус Христос.

– Да, знаю я эту историю, можешь не рассказывать. Кстати, среди ортодоксальных иудеев существует мнение, что изначально Иисус и двенадцать его Апостолов были всего

лишь кружком рыболовов- любителей.

– Не богохульствуй... – начал было Саша

– ...сын мой, – закончил я. Мне стало весело. Долгие серьезные разговоры порождали во мне тоску. Надо было переводить разговор в другое русло, но Саша, видимо, после второго стакана завелся. Он начал пространную лекцию о роли мистики в развитии религиозно- философской и мировоззренческой мысли на протяжении последних двух тысячелетий. Надо было как-то плавно выводить его из этого религиозного экстаза.

– Да, – решил я его прервать, – но сейчас, когда плоды естественных наук доступны многим, если не всем, мистика приобретает не религиозный, научно-прикладной характер. Магия, гипноз, телекинез, ясновидение являются темами научно-прикладных исследований. Получается, что религиозная основа, которой пытаются объяснить эти явления на сегодняшний день является атавизмом.

– Не так все просто, как кажется, – Сашку просто так с темы не собьёшь, – Ты забываешь, что человек изначально жил в плотном контакте с природой и как у многих живых существ у него существовало мироощущение единения с этой дикой природой. Отсюда и возможность ясновидения, то есть предвидения климатических изменений и связанных с ними природных катаклизмов.

– Каких “клизмов”? Ты хоть понимаешь, что занимаешься сейчас тавтологией? Климатические изменения и природ-

ные катаклизмы – это столь близкие понятия, что древнему человеку разницу в них было не определить.

– Не перебивай. Так вот, наводнения, землетрясения, масштабные пожары древний человек мог предвидеть на основе внутреннего, неподконтрольного разуму, анализа всех внешних природных признаков. Потом, много-много лет спустя человек потерял эту способность анализа природных признаков, но ощущал при приближении масштабных происшествий чувство тревоги, неуверенности и страха и стал называть это предчувствием, предвидением, “гласом Божьм”, “знаком свыше” и тому подобное. И, поскольку, не мог это объяснить, то перевел эти предчувствия в разряд мистики. Далее, с развитием цивилизации, появились возможности, как сейчас модно говорить, мониторинга происходящих явлений и необходимость держать свою нервную систему в дежурном режиме ожидания “большого бемса” пропала совсем. А вот желание предвидеть возможные изменения осталась. И вот тогда отдельные, как их называет Лев Гумилев, пассионарные личности стали искать интуитивно утраченные способности чувствовать больше, чем нам дано органами чувств. И одних это привело к ремиссии мистического чувствования, а других – к поискам научного объяснения различных иррациональных явлений, – последнюю фразу Саша буквально выдохнул.

– Молодец, зачет ты получил, – сделал я робкую попытку прервать лекцию, – разливай.

– Отсюда пошли различные мистические “ордена”, школы, масхабы и течения, – не обращая на мои замечания, продолжал Александр, одновременно разливая остатки водки, – которые объединялись в философские направления по интересам и структурно стали той или иной организацией в рамках той или иной религии. Орден тамплиеров, орден госпитальеров, орден розенкрейцеров в Западном христианстве, суннитский орден в исламе. Есть такие организации в Зороастризме и в Буддизме...

– И в иудаизме, – решил я вставить свою лепту.

– В иудаизме все пошло несколько иначе. Там мистическая составляющая идет через институт так называемых “пророков”. Хотя такое направление как Каббализм вполне можно рассматривать как своеобразный организационно оформленный мистический орден, поскольку деятельность каббалистов направлена на поиск рационального в нумерологии, а также поиска ранее существовавшего у человека “третьего глаза”, видевшего дальше пределов объективной реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.